

ЛИЦЕДЕЙСКИЙ ОЛИМП

Моск. комсомолец - 2001 - 12 нояб. - с. 10.

- Слава, как вы, человек с такой несерьезной профессией, ощущаете себя на подобном мероприятии?

— Как корова на льду и не в своей тарелке, конечно. Я даже приготовил несколько шуток, чтобы разрушить эту атмосферу. Но потом подумал, что у людей праздник, они так его себе представляют, и нехорошо мне будет со своими клоунскими шутками нарушать традицию. В принципе это довольно странное явление — клоун на традиционном театральном событии. В то же время это замечательно, потому что означает, что вещи, которые изначально были понятием театра, возвращаются. Подсознательно или сознательно театр опять пытается вернуться к своим истокам. Он требует не то чтобы обновления — это похоже на то, как человек пошел к реке, искупался и чувствует себя заново родившимся. То есть театру требуется почувствовать себя таким, какой он есть.

— Когда вы поднялись на сцену, весь зал встряхнулся и настроился на праздник и веселье. Можно узнать, каких шуток лишилась публика?

— Я проверил еще в коридоре эту шутку, насколько хорошей она была бы, но не решился сделать ее здесь. Я взял красный лифчик своей жены (обязательная Лена приехала на церемонию вместе с мужем. — М.К.), прицепил его сзади к своим штанам и думал, что когда я повернусь — это будет такое снижение градуса всей этой пафосной ситуации. И это, наверное, действительно было бы так. Но, кажется, все-таки не к месту.

— Вы убрали лифчик?

— Он лежит у меня в кармане.

— После феерического успеха московской Олимпиады до вас еще доносятся ее отголоски?

— У меня до сих пор осталась улыбка на лице, потому что ощущение того, что это все-таки произошло, — такая радость и удовольствие, которые длятся не один день, а годами. Это потрясающее событие, что человеческие фантазии вдруг становятся частью этого мира. У меня была идея — повернуть взрослых людей назад, к их детству и мечтам, как я это сделал для себя.

— Что говорят ваши друзья за границей про олимпиаду?

— Очень много и очень смешные вещи. Звонит мне архитектор Саймон Барли из "Бамбуко", который строил бамбуковый "Корабль дураков", и говорит: "Меня пригласили на Мельбурнский фестиваль и попросили сделать корабль, а я им ответил, что "все ваши начинания такие допотопные, что после Москвы я не могу в них участвовать. Если хотите нормальный фестиваль, пригласите московскую команду, чтобы они вам его сделали".

Или, например, "Карабос" услышал, что я открываю театральный центр под Парижем. Ребята тут же мне позвонили и сказали: "Назови день, мы все приедем и устроим там огненное зрелище на много километров вокруг". Я побоялся, что коммуна из соседней деревни меня просто выгонит после этого "огненного зрелища". Но "карабосцам" очень понравилась эта идея, потому что в Москве все они впервые почувствовали, что это может быть таким органичным и единым со зрителями и другими театрами. Я думаю, после олимпиады теперь еще многие не смогут участвовать в традиционного типа фестивалях.

— Вы бы решились еще раз создать нечто подобное?

МИХАИЛ СТЕПАНОВ

ПОДСОЛНЕЧНЫЙ КЛОУН

Слава Полунин приехал в Москву всего на два дня — на церемонию вручения премии Станиславского, которой его наградили за все те олимпийские безумства, что он устроил нынешним летом. Среди пафоса и костюмов с бабочками Полунин заметно выпадал из общего ряда. Потому что он другой, более детский и непосредственный, и умеет искренне радоваться любым вещам — даже тяжелому крану с кинокамерой, летающей над головами театральных мэтров так низко, что ее чувствуешь волосами. И еще забавному дирижеру, едва не выпадающему в творческом экстазе из окна навстречу своему оркестру. И простому подсолнуху, подаренному лицедею на сцене вместо роскошного букета, потому что именно этот солнечный цветок больше других подходит Славе Полунину.

— Конечно, для меня это естественно, и я по-другому и не могу. У меня уже есть несколько предложений: в городе Лилль, культурной столице Европы, для 2003 года просили меня сделать нечто подобное. Сейчас обсуждаю один проект с Берлином. Отправил сценарий для Питера на его 300-летие. И вроде бы уже шел разговор с Лужковым о том, чтобы сделать традиционный фестиваль в Москве. Если это будет, я с удовольствием соглашусь.

— Слава, а что с вашим обещанием привезти осенью в Москву спектакль "Шоу снов"?

— Я-то надеялся, что здесь откроется мой центр, и хотел бы соединить эти события и сделать очень большие гастроли своего спектакля — может быть, на несколько недель. Пока ситуация с центром абсолютно нулевая, нет даже никаких наметок. Я год прождал, понял, что надежды осталось мало, и взялся за дело. Сейчас я переехал во Францию и делаю свой центр под Парижем, в 30 км. Там будут театральный зал, мастерские, международные школы. Строительство здания и ремонт уже начались, и я думаю, что через полгода он откроется.

— И там будут идти ваши спектакли?

— Нет, там будет идти создание спектаклей. Я специально делаю центр и втаскиваю туда творческих, интересных людей — художников, композиторов, актеров и так далее, — чтобы они создавали там свои проекты.

— У вас есть уже первые кандидатуры?

— Ой, много! Конечно, все те, кто участвует в моих фестивалях, потому что все, кого я приглашаю, — это мои любимчики. Они обязательно туда приедут, пусть и не все сразу. Очень много людей сами ко мне обращаются.

— Те трагические события, которые происходят сейчас в мире, влияют на вашу жизнь?

— Ну, понятно, что война — это жуткая история и так далее, и так далее. Но это американцы впервые столкнулись с ними — мы-то с таким постоянно сталкиваемся. И в Европе, и в Азии таких событий — миллионы, а американцы впервые увидели это в своей жизни и поэтому ужаснулись. Они не знали, что это такое, для них это открытие. А так как у них все основные масс-медиа, то поэтому там все так громко и шумно.

— У вас есть рецепт выживания — от русского или от клоуна?..

— Вот, например, сейчас в Лондон приехали русские — делать какую-то выставку. Их англичане спрашивают: "Как же вы прилетели?! Сейчас же никто не летает". А наши отвечают: "Что вы, ваши проблемы у нас каждый день случаются. Если мы будем постоянно думать только о них, мы вообще перестанем жить". Для русского, который прошел через все, это ежедневная жизнь.

— А вам не страшно летать на самолетах?

— Я не думаю об этом.

— Клоунада может как-то помочь людям пережить трагедию?

— Это один из видов человеческого сопротивления. Уныние, депрессия, потеря надежд — то, что и делает мир таким тяжелым. Вдохновение, радости и мечты всегда противятся таким вещам. Естественно, что чем больше мы несем этой энергии, тем меньше остается места для другой. Это нормальная философия существования, и тут нет прямой зависимости: "давайте бороться против войны". Просто чем больше людей будут вносить в этот мир положительной энергии, тем меньше будет отрицательной.

Мария КОСТЮКЕВИЧ.

10. Сл. и О. Моск. комсомолец - 2001 - 12 нояб. - с. 10.

Полунин Вячеслав

12.11.01